

84Р6К

Е69

Владимир ЕРАНОВ

КОГДА Б МНЕ СНОВА БЫЛО

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ...

Библиотека
Колхоза
от 2007 г
ИИ

7-31-45

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

~~21.08-24.9~~
19.12-19.7

--

84Р6К
Е69

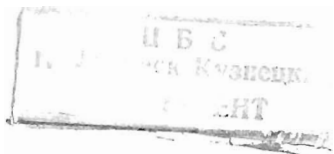
Владимир ЕРАНОВ

**КОГДА Б МНЕ СНОВА БЫЛО
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ...**

СТИХИ

Ленинск-Кузнецкий
2009

ББК 84.Р6
Е 69

Еранов В.Е.

Е 69 Когда б мне снова было двадцать лет: стихи / В. Е.
Еранов. – Ленинск-Кузнецкий, 2009. – 52 с.

ББК 84.Р6К

83640(1)

© Еранов В. Е. 2009
© Оформление, 2009

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОЭТЫ

Все мы прошли через это:
дружба, размолвки, вражда,
споры, обиды, обеты
больше не пить никогда.

Как припадали по-русски
мы, не кривясь, к стопарю!
- Что же ты пьёшь без закуски?
- Лучше уж я закурю.

Гении русской глубинки,
кто бы из нас после двух
ночи сказал без запинки
что-нибудь внятное вслух!

Так мы спивались, глупели,
скупко писали порой
что-то и на две недели
вновь уходили в запой.

Что это: кара? забава?
промельки жизни иной?
Видимо, деньги и слава
нас обошли стороной.

Что же теперь убиваться?
Думаю, хватит на нас
книг, гонораров, оваций.
Дар нам – лишь только аванс!

Только никто здесь не внемлет
мне, ведь спиваться в глуши
стало в последнее время
правилом русской души.

В рабство традиция эта
всех у меня забрала
лучших друзей...

Живёт у нас поэт в Сибири,
как схимник, хмур и нелюдим.
Я говорю: он - лучший в мире,
мы бесталанны рядом с ним.
Другой с таким бы дарованьем
давно прославился, но тот
вздыхает, лёжа на диване,
и тут же, не вставая, пьёт.

Ему б жениться что ли или
хотя б с лица щетину сбрить.
Но он твердит: поэты – пили.
А я – поэт. И буду пить.
От этой логики железной
мне тошно делается, ведь
его никто не видел трезвым
и он не думает трезветь.

Иной таким же был в начале,
а после – вынут из петли.
Кого-то еле откачали,
кого-то всё же не спасли.
И этот, если не завяжет
с загульной жизнью, кончит так.

Но он не верит мне и даже
ворчит: раскаркался, дурак!

Я говорю: зачем Ты, Боже,
смутил его, вручив Свой дар?
Им пренебрёг поэт!.. Я тоже
Твой дар едва не промотал.
И к тридцати остался с чем я?
Недужна плоть, к спиртному слаб.
...Поэт районного значенья,
не переросший свой масштаб.

Когда-нибудь и я умру.
Мне будет весело. Вам – горько.
Не хмурьтесь. Помяните. Только
не похмеляйтесь поутру.
Я сам был выпить не дурак,
когда к тому был случай, повод,
но, как подсказывает опыт,
избави Бог вас пить с утра.

Когда-нибудь и я умру,
как жил, без распрей, склок и споров,
к большой печали кредиторов,
мною оставляемых в миру.
Вот будет смеху - наблюдать,
как, с горя спятив, станут клясться,
бурча, мои заимодавцы
мне, всё простив, за всё воздать.

Когда-нибудь и я умру,
меж двух миров сотру границы,
покаявшись вскоре возвратиться
в свою сибирскую «дыру».

**И, давши слово, как нару-
шить я посмею это слово?
...Мне суждено вернуться снова
в тот мир, в котором я умру.**

Заскользил лучом рассвет
с подоконника по стенам.
Как Обломов, в цвете лет
я лежу в своей постели.

Лень лежать и лень вставать,
лень работать, лень лениться.
Подо мной скрипит кровать
сеткой, ржавой, как в больнице.

Мысли вертятся в мозгу,
как чужие, еле-еле:
я сумею... я смогу...
я уже встаю с постели...

Ну, живей давай: ать – два! –
соберись же: три-четыре!
Закружилась голова –
мебель

скачет

по

квартире!

Так ни немощен, ни бодр,
не здоров, но и не болен,
я лежу который год,
сам беседаю с собою.

Подпираю взгляд стеной.
Простыня щекочет пятки.
Крошки хлеба под спиной.
Голова как после пьянки.

Ну, приехали – кажись
ты хандришь сегодня, дурень,
а ведь толком не пожил,
даже след в литературе

не оставил. Полно ж ныть!
Всё, соскакиваю разом!..
Летаргические сны
очаровывают разум...

Эй, уже пора – подъём!
Лежебока, дрыхнуть хватит!
Утро солнечным лучом
заскользило по кровати.

С точки зрения буддизма
в жизни смысла нет: родиться –
всё равно, что умереть:
всяк свободы жаждет, ибо
в этом мире он – как рыба,
кем-то пойманная в сеть.

Неподвижность – лучший способ
отрешиться от вопросов
о загадках бытия.
Кто б ты ни был – скальд, философ, -
сядь, как Будда, в позу «лотос»,
отстранись от власти «я».

Сделай плавно вдох и выдох,
жизнь – не дар, и смерть – не выход
из сомнений тупика.
Глуп ли ты иль мудр, как старец,
в мироздании твой статус –
быть не выше дурака.

Точку зренья эту, может,
разделил бы я – и тоже
сбросил груз своих забот,

только дело не в заботах,
ибо мне *и н о* е что-то
всё покоя не даёт...

ЛЕЧЕНИЕ ПСИХОАНАЛИЗОМ

Ю. С.

В лечении расшатанных нервов
нет лучшего средства, наверно,
чем максимы Фрейда и Берна,
что шанс дарят каждому на
успех в достижениях прогресса
в борьбе многолетней со стрессом,
с потерей покоя и веса,
с расстройством здоровья и сна.

И я – их прилежный читатель –
молюсь им теперь: Бога ради
спасите меня, ибо сладить
с собой не могу я – невроз
замучил, проклятый, нет силы,
ну хоть обувайся в бахилы
и сам на плечах до могилы
тащи тяжеленный свой гроб.

С собою весь день, как лунатик,
хожу и беседую: хватит
хандрить, а иначе в палате
окажешься – номер шестой,

где будешь на жёсткой кровати
валяться в больничном халате,
ведя разговор о медбрата
с влюблённой в него медсестрой.

В моих подсознания глубинах
такие – о Боже! – картины,
что впору явиться с повинной
туда, куда следует мне.
Что это? То ль комплекс Эдипов,
То ль детские страхи, обиды,
а может быть, просто либидо
себя проявляет так – не

поймёшь, ум заходит за разум,
уж лучше бы гикнуться сразу,
вот тут и помянешь Эразма
с его похвалою глупцам.
Что ж делать? Характер и норов
смири, разбери хлама ворох
в своей голове, мыслей свору
расставив по нужным местам.

Невроз, говоришь? Верь, что сможешь
его одолеть – лезь из кожи,

ладони рви в кровь, но ты должен,
покой обрести, потеряв.

Стремись к исцелению, как Зигфрид
стремился к Брунгильде, - с позиций
теорий их собственных Зигмунд
и Эрик поддержат тебя.

Пусть люди играют в игры
свои – ты в последние вникни:
узнай, что на верхнем, на нижнем
сознаний людском этажах
творится, но сам же при этом
от них отстранён будь, твой метод –
всегда хвост держать пистолетом,
своё же хозяйство – в штанах.

Надумаешь, можешь заняться
анализом игр и транзакций,
приспичит – так девок помацай:
не мальчик уже – тридцать лет, -
тебе ли, распутник, стыдиться,
когда взгляд на тот самый бицепс
не раз оставлял на их лицах
весьма примечательный след.

Крепись: не потворствуй программам
родительским, больше ни грамма
не пей, а иначе весь график
лечения пойдёт псу под хвост.
Успех, результаты лечения
зависят всегда от терпенья,
стремленья к успеху, уменья
приблизить желанный исход.

Болезнь не прими за признание
в бессильи: расстройство сознания
случается лишь от незнания
работы его – потому
всё, что происходит в подкорке
твоей – через сны, оговорки
познай: ум – сознания орган,
давай же нагрузку уму.

Когда ж ты в реальный мир снова
вернёшься в рассудке здоровом
и скажут тебе: здравствуй, Вова,
где ты пропадал, чёрт возьми! –
то не возгордись: под вопросом
свобода твоя от невроза
надолго останется – просто
ты к сведенью это прими...

БОЛЕЗНЬ

Может, жизнь подошла к концу?

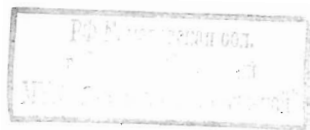
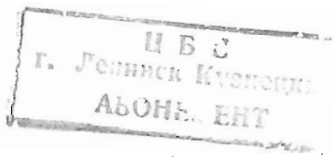
Может, мне худоба к лицу?

Может, это особый знак?

Может... нет, не пойму никак.

Остаётся терпеть, гадать
и таблетки, кривясь. глотать,
и, смиряясь с такой бедой,
их потом запивать водой.

83640 (1)

СТАРИК

Он знает, что уже не важно, как –
вперёд или назад – часы идут:
застыло время. Жизнь? А жизнь – прошла.
Он смотрит в небо. В небе виден Знак,
который защищает, как редут,
его от разрушения до тла.

БОЕЦ

Всю жизнь ты вёл борьбу,
ты жил борьбой,
и искушал судьбу,
бросаясь в бой.

Ты осаждал кругом,
как крепость, зло,
и был жесток с врагом.
Тебе везло!

Ты среди равных был
плут из числа
тех, кто мудрей судьбы,
хитрее зла.

И вот – твой идеал
теперь – в бою...
На что же променял
ты жизнь свою?

Какое ремесло
избрал в удел?
Ты – злом разрушить зло,
боец, хотел.

**Так пользы нет в борьбе
(пойми!) любой.
Спасением тебе –
оставить бой!**

На расстояньи вытянутых рук
смятение похоже на испуг
в глазах твоих, но понимаешь вдруг,
что это – лишь иллюзия, тем паче –
с моим астигматизмом – минус три
диоптрии – попробуй рассмотри,
что видно в них! Машина Ламетри
и та бы с этой справилась задачей.

Мой взгляд не проникает в суть вещей,
не дальше носа вижу я, взашей
такого гнать бы надо – ни идей,
ни мыслей я особых не имею.
Уставившись, часами я гляжу
в пространство, если проще – торможу,
порою муха пролетит: жу-жу! –
я глуп и туп в сравненьи даже с нею.

Быть проще невозможно, из амёб
я, видно, вышел, только пулю в лоб
пустить осталось, дальше будет: гроб,
венки, на лентах надписи (едва ли
приличные!), ну, в общем, суета,

и на поминках рюмку мимо рта
никто не пронесёт, а мне уста
смочить уж не придётся больше... «Vale!» -

промолвлю, и – поклон местам иным,
затем что жизни дар не отделим
от дара смерти, ибо вместе с ним
они – две части целого, и ,значит,
твердить: нет смерти! – заблужденье, раз
она, как жизнь сама, имеет в нас
весомое присутствие, в свой час
овладевая абсолютно нами.

Я думаю, вдаль устремив свой взгляд:
любой грешник потенциально свят,
и может стать лекарством даже яд,
отмеренный в ничтожно малой дозе,
так и бессмертье – в смерти, а точнее –
в способности возвыситься над ней,
поэтому-то смерть в глазах людей
оправданную быть должна в итоге.

Нет наслажденья без страданья, мук.
Без зла – добра. Но если смерть – недуг,
что поразил не только плоть, но дух

у человека, то и исцеленье
лежит внутри недуга, а не вне
его... Вот то, что стало ясно мне,
пока об этом думал я, а не
опять пенял на собственное зреньё.

Любимая! Как колокол, гремит
сегодня для тебя моё молчанье –
количество полученных обид
перерастает в качество звучанья!

Всё то, что раньше – в стол и между строк,
теперь невольно вырвалось наружу.
...Так иногда подводим мы итог
тому, что тяготит и мучит душу.

**Будь сильным – слабость прояви,
иди вслед за своей любовью,
хоть раз пожертвовав собою
во имя собственной любви,**

**хоть раз отдайся ей во власть,
но отличай любовь от страсти:
тобою найденное счастье
отнять способна эта страсть.**

Мне кажется, я знал тебя всегда,
задолго до – до твоего рожденья,
до сотворенья мира, до плода,
что стал причиною грехопаденья

для наших прародителей, до дня,
что избран в искупление их долга,
и кажется, что знала ты меня
всегда задолго до меня. Задолго.

Переведи часы назад,
затем что время быстротечно,
а я смотреть хотел бы вечно
в твои негромкие глаза.

Ты выше истины самой,
в тебе нет места недостаткам,
а сам я – собран из остатков
того, что было под рукой

у Бога; видно, потому,
томимый жаждой совершенства,
немею я пред тайной женской –
но устремляюсь лишь к Нему.

БЕЗ ОЧКОВ

**Мне сквозь астигматическую дымку
почти не видно твоего лица,
как будто носишь шапку-невидимку
ты, но не исчезаешь до конца.**

Я всё могу тебе простить –
укор, предательство, измену.
Так я люблю, такую цену
я за любовь готов платить.

Как хрупок Божий дар любви:
чуть посягни – и вмиг разрушишь,
не только тело, но и душу
осолишь в собственной крови.

Всегда прощенье и любовь
шли связкою – рука об руку,
не только радость, но и муку
являя каждому собой.

Голгофский Мученик тому
нам до сих пор живым примером,
не только ропот, но и веру
исторгнуть выпало Ему.

Любить и значит – всё простить.
Так круг любви моей очерчен.
Не только жизнью, но и смертью
могу я это подтвердить.

Мне без тебя и суток не прожить.
Зависимость ты скажешь? Может быть.
Но только от зависимости этой
меня ничто не сможет отрешить.

С утра я размышляю до утра,
что с нами завтра будет, что вчера
меж нами было, и затем – о том же,
ссутулившись, пишу резцом пера.

Но здесь вдруг учащается мой пульс –
и я тогда прокладываю путь
к иным идеям и иным сюжетам,
осиротив привычную тропу.

И руслами нехоженных дорог
я, как Ясон, блуждать бы долго мог,
но только ради прочих планов, целей,
не хочется мне тратить крепость ног.

И по давно истоптанной тропе
я возвращаюсь к мыслям о тебе,
затем что для меня иные темы
перед этой потеряли смысл теперь...

Соединив надёжнее петлиц,
нам помогает ночь уединиться.
...Войска мои, что близ твоих границ,
переступить готовятся границы.

Как эта ночь темна! Но ты – близка!
По некогда условленному знаку
готовы хоть сейчас мои войска
пуститься в долгожданную атаку.

Покинув облюбованный плацдарм,
они в твои ворота хлынут разом
и разобьют свой новый лагерь там,
где только победитель быть обязан!

Но лёгких в этом мире нет побед.
Возможное твоё сопротивление
они быстрее сломят, чем рассвет
застигнет окончание сраженья.

НЕ УХОДИ!

Мне хочется с тобою быть
сильнее, чем дышать и жить,
и я готов от горя выть,
когда ты не со мной.
И потому – не уходи! –
шепчу тебе: не уходи! –
кричу тебе: не уходи! –
побудь ещё со мной!

Я твой – от головы до пят.
Ты запахнёшься в свой халат,
но он через мгновенье, смят
и скомкан, - в стороне.
Так, свой преодолев испуг,
ты осознаешь сразу, вдруг,
что не хватает губ и рук
опять тебе и мне.

Но после – ты – не уходи! –
шепчу опять: не уходи! –
кричу опять: не уходи! –
не покидай меня!
Я вне тебя бесплотен, слаб,
как привиденье или раб,

со мной останься ты хотя б
до завтрашнего дня!

- Я уйду не навсегда,
об этом знаешь ты, тогда
зачем вся эта чехарда
из вздохов, слёз, обид?

- Я разучился быть один,
кори меня, стыди, суди,
но, уходя, не уходи, -
люби меня, люби!

ПРИНЦЕССА

Не строй из себя принцессу,
иначе, имей в виду,
для большего интереса
я принца тебе найду.

Потомок высокой крови!
Какой же ему пример
подашь ты, принцесса, кроме
особых своих манер!

Не стоит свой носик морщить
и дуться, срываясь в крик.
Послушай, ну разве может
тебе повстречаться принц?

Мой довод твоих амбиций
не сломит, не разобьёт.
- Я в принца хочу влюбиться!
Я принца достойна! Вот!

Капризы твои прицельно
мне в самое сердце бьют.
Ну что ж, если ты – принцесса,
то я при тебе – твой шут.

Мне было б смешно гордиться
бубенчиком с колпака.
Принцесса! Я в роли принца
ещё не бывал – пока.

Твой вымысел стал дороже
тебе всех забот в миру.
Я с этой секунды тоже
включаюсь в твою игру.

Смотри же! Паяц и клоун
я сбрасываю колпак
и – Боже! – в обличьи новом
стою пред тобой! Ну как,

похож я теперь на принца?
- Как карточный долг – на приз.
...Принцесса, твоих капризов
не вынесет даже принц.

Ты ушла. Я пуст – или
т а к бедой своей полнюсь?
(В немощи моей – сила,
в гордости моей – кротость).

Как любила ты! Разве
я смогу забыть это?
(В глупости моей – разум,
в грубости моей – нежность).

Я бодрюсь, лечу раны –
что же нас ещё свяжет?
(В горести моей – радость,
а в грехе моём – святость).

Тот год провёл я без тебя,
один, не написав ни слова,
и день рожденья встретил новый
в последних числах октября,

но пил немного, налегал
лишь на закуску, муча вилку,
мой кот навязчиво мурлыкал
и ластился к моим ногам.

От выпитого всё равно
меня клонить в дремоту стало.
Я лёг в кровать под одеяло,
задёрнув шторою окно.

И я заснул и видел сны,
но что в них было – вспомнить трудно.
И без тебя я встретил утро,
уставившись на гладь стены.

Кому-то я необходим
был в этот час – он громко в двери
стучал, но я, по крайней мере,
не ссорился, не спорил с ним

и ждал, когда же он уйти
изволит, и весь день в кровати
лежал, пока меня к тетради
и повлекло вдруг – и почти

до ночи я лист за листом
исписывал, не ставя точку,
четырёхстопным ямбом строчки
завязывая, как узлом.

Тут кто-то дверь открыл ключом,
вошёл, разделся, сбросил обувь,
и, чтоб мне не мешать, должно быть,
склонился над моим плечом.

А я, не смея глаз поднять,
принял бы всё за наважденье,
когда бы, слившись, наши тени
не падали не стол, тетрадь,

когда бы бременем стыда
я тут же снова сгорблен не был,
и, примиряясь с ношей этой,
взглянул на гостя я тогда...

Для одних тридцать лет – рубеж,
для других это так, этап.
Ты ещё и хорош, и свеж,
любишь водку, природу, баб.

У тебя ещё сил – вагон,
планов, целей, желаний – тьма,
обожают тебя кругом
все, кого ты не свёл с ума.

Так и жить бы - скопить деньгу,
мир познать, где-нибудь осесть...
Только что-то я не могу,
не могу быть таким, как все.

Тридцать лет, а я - как изгой:
ни друзей, ни врагов, пуста
жизнь моя и, увы, другой
не предвидится ни черта.

И любил я, и был любим,
строил планы создать семью.
Но – «Как быть мне с тобой – таким?
Все же разные мы... Адью!»

Так теряют любимых, так
посчиталась судьба со мной.
Или это особый знак,
что назначен мне путь иной?

Тридцать лет, тридцать лет всего!
В чем мой смысл (кто-нибудь ответь)?
Что бы я осознал его,
нужен пряник мне или плеть?

Я в мирке своём, как в клетке.
Ни великих, ни подлых дел.
...Видно, даже и к тридцати
ни фи́га я не повзрослел.

Когда б мне снова было двадцать лет,
я, как философ или как поэт,
создал трактат или сочинил сонет
и стал бы популярнее пророка.
Ко мне б не заросла тогда тропа
народная, поклонников толпа
ходила бы за мной, глуха, слепа
ко всем моим причудам и порокам.

Когда б мне снова было двадцать лет,
я, соблюдая такт и этикет,
с любым из сильных мира тет-а-тет
общался бы, как минимум, на равных.
Среди миров в мерцании светил
я б самую большой звездой был
и мне бы всегда поклоны бил
какой-нибудь любитель истуканов.

Когда б мне снова было двадцать лет,
я полюбил бы живопись, балет,
ходил бы только на зеленый свет
и никогда – на желтый и на красный.
Я стал бы чисто плотным: по утрам,
устраивая в ванной тарарам,

свои б я драил зубы, тут и там
вымазываясь весь зубною пастой.

Когда б мне снова было двадцать лет,
забросил бы я чтение газет
и не курил дешёвых сигарет
и дорогих я тоже не курил бы.
Я б занимался вышивкой, резьбой
по дереву, футболом и борьбой,
и, обрета гармонию с собой,
от Бога удостоился бы нимба.

Когда б мне снова было двадцать лет...
Но времени обратно хода нет,
историю не перепишешь, след,
оставленный в ней, стёртым быть не может.
Пожалуй, лишь в реальности иной
подобное могло бы быть со мной,
но в нашей, преходящей и земной,
мне это вряд ли выпадет...

Вам – тоже.

ЧАЕПИТИЕ

Я зажигаю свет на кухне
и, приоткрыв буфета дверцу,
я достаю оттуда банку
с густым малиновым вареньем,
которое вчера буквально
успел попробовать – осталось
варенья после этой пробы
немного в поллитровой банке.
Я из большой цветной коробки
пакетик с чаем извлекаю
и погружаю разом в кружку
с уже вскипевшею водою,
которую привёл в такое
восторженное состоянье
плод гения научной мысли
и инженерного и искусства,
почти что член семьи у многих,
в быту ж холостяков – хозяин
и бог на кухне – кипятильник!
Вот я снимаю с банки крышку
и погружаю в банку ложку
и, до краёв её наполнив,
съедаю порцию варенья
и тут же запиваю чаем,

которым обжигаю губы.
И снова ложку погружаю
я в банку, конечно, снова
я обжигаю губы чаем,
когда варенье запиваю.
Так постепенно я всю банку
опустошаю, с нею вместе
и кружку с ароматным чаем,
и наконец-то обретаю
покой и умиротворенье.
Мне б сочинить стихотворенье
иль приступит к уборке комнат,
что в ней нуждаются давно уж,
иль просто поглазеть на граждан,
спешащих по своим рутинным
делам под окнами моими,
я ж на диване в сладкой неге
вперёд протягиваю ноги
и, руки на живот положив,
впадаю в забытьё и дрёму –
сам по себе, собою полон.
И кто-то скажет: он бездельник! –
другой поддакнет: верно! верно! –
а третий ничего не скажет
или брезгливо скорчит мину.
Но промолчу в ответ я, ибо

**так наслаждаются по-русски,
и это лучше, чем самадхи
каких-нибудь индийских йогов,
адептов Брахмы, Вишну, Шивы...**

Живу, безмолвствую, слегка
дуря от газет,
с соседом на ночь в дурака
играю тет-а-тет.

Душа не то, чтобы нема,
но кажется, что в ней
теперь ни проблеска ума,
ни мыслей, ни идей.

Я пыль сдуваю с груды книг,
зачитанных до дыр,
и открываю только в них
прекрасный новый мир.

Во мне намерений благих
нет больше ни следа.
Беги, мгновение, беги!
...Так плачут от стыда.

Любитель изящной словесности,
знаток Соловьева и Канта,
ей-богу, мой друг, в этой местности
нелепо ты смотришься как-то.

Кому ты здесь нужен с теорией
о вечной любви, всеединстве,
ведь сколько б с другими не спорил ты,
а слышишь в конце: да иди ты!

И ты по утрам умываешься,
скребешь с подбородка щетину
и, в зеркало глядя, стараешься
понять в то же время причину

и смысл положенья подобного,
мол, в этом есть странное что-то,
а после трясешься в автобусе,
боясь опоздать на работу.

И нотка печали щемящая
терзает сознание вопросами:
когда же твоё настоящее,
такое, как есть, канет в прошлое?

**Начнешь ли ты жизнь свою заново,
порвав с тем, что дорого, разом?
Иль эта продлится до самого
последнего смертного часа?**

СОДЕРЖАНИЕ

Провинциальные поэты.	3
«Живёт у нас поэт в Сибири...»	5
«Когда-нибудь и я умру...»	7
«Заскользил лучом рассвет...»	9
«С точки зрения буддизма...»	11
Лечение психоанализом.	13
Болезнь.	17
Старик.	18
Боец.	19
«На расстояньи вытянутых рук...»	21
«Любимая! Как колокол, гремит...»	24
«Будь сильным – слабость прояви...»	25
«Мне кажется, я знал тебя всегда...»	26
«Переведи часы назад...»	27
Без очков.	28
«Я всё могу тебе простить...»	29
«Мне без тебя и суток не прожить...»	30
«Соединив надёжнее петлиц...»	31
Не уходи!	32
Принцесса.	34
«Ты ушла. Я пуст – или...»	36
«Тот год провёл я без тебя...»	37
«Для одних тридцать лет – рубеж...»	39
«Когда б мне снова было двадцать лет...»	41

Чаепитие.	43
«Живу, безмолвствую, слегка...»	46
«Любитель изящной словесности...»	47

Литературно-художественное издание

Еранов Владимир Евгеньевич

КОГДА Б МНЕ СНОВА БЫЛО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ...

Стихи

Библиотека литературной газеты «ЛИК»

Подписано в печать 08.04. 2009.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

